

13. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков: В 2 ч. М., 1994. Ч.1. С.70.
14. Шпенглер О. Закат Европы. М.; Пг., 1923. С.20.
15. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч.: В 13-и т. М.; Л., 1935. Т.8. С.18, 319, 323, 330.
16. Там же. С.16, 35-36, 53,64, 69-70.
17. Неизданный Достоевский // Литературное наследство. М., 1971. Т.83. С.404.
18. Ильин И.А. Указ. соч. С.82-83, 192-193.
19. Ульянов Н.И. Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне, 1969. С.24, 31.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.6. С.290-291; Маркс К., Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Там же. Т.8. С.56.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Демократический панславизм. С.292, 297-298.
22. Там же. С.298, 305-306.
23. Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т.8. Стлб.158.
24. Ильин И.А. О русской культуре // Соч.: В 10-и т. Кн.2. М., 1996. Т.6. С.417.
25. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С.11.
26. Янов А.Л. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988. С.111.
27. Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997. С.39.

**Соколова Е.С.
(Екатеринбург)**

Архетип «просвещенного» государя в контексте французской России XVIII столетия

В последние годы наметилась тенденция к постепенному спаду исследовательского интереса к проблеме «философской географии» эпохи Просвещения. Тезис о сознательном моделировании оси «цивилизация – варварство» в рамках западноевропейского дискурса ориентального общества и государства приобрел в новейших публикациях общепризнанный характер (1). Просветительский европоцентризм действительно отводил далекой Московии весьма скромное место в иерархии великих держав. Традиция описания России как страны классического деспотизма во многом обязана отрывочным сведениям европейских путешественников и дипломатов XVI-XVII вв., для которых жесткая иерархия подданства в сочетании с самодержавными идеалами вотчинного типа представляла глубокий диссонанс с ценностными ориентирами на апологию суверенитета личности. В новейших работах, посвященных формированию антирусских стереотипов в политических доктринах французских просветителей, справедливо указывается на кате-

горическое неприятие просвещенными умами предреволюционной Франции образа абсолютистской России, символизирующего тождество скрытого варварства и явной тирании на имперской подкладке (2). К сожалению, вне поля зрения большинства исследователей пока остаются политические аспекты цивилизационного идеала, свойственного традициям просветительской России XVIII в. Особое место в ряду философов и историков, трудившихся на ниве мифологизации образа Восточной Европы, занимают авторы, близкие к кругам энциклопедистов. Именно их взгляды оказали значительное воздействие на тех представителей русской общественно-политической мысли, которые хотя бы косвенно затрагивали вопрос о скрытых и явных противоречиях между Россией и Европой.

Страницы большинства воображаемых путешествий на восток Европы содержат немало мифологизированных описаний эпохи Петра I. Этот самый популярный самодержавный персонаж французской «*Historia Rossica*» нередко наделялся собирательными чертами «азиатского государя», превращаясь в своеобразный архетип «московского варварства».

Отношение просветителей к результатам деятельности Петра Великого отличалось крайней противоречивостью. По справедливому замечанию одного из новейших исследователей, интерес западноевропейских мыслителей XVIII в. к петровской эпохе диктовался ее созвучностью идее «просвещенного монарха», выступая основным критерием противопоставления России Европе. «Гений» первого российского императора завораживал умы, пробуждая воображение его европейских оппонентов. Даже в сочинениях скептика Вольтера образ Петра I приобретает черты героя-одиночки, который, несмотря на «африканскую дикость» своего нравственного облика, сознательно бросает вызов подданным ради приобщения московских упрямцев к благам европейской цивилизации.

Полемизируя с Вольтером, известный энциклопедист Л. де Жокур утверждал, что преобразования Петра Великого лишь завершили дело, «начатое и подготовленное» его гениальным отцом. Он дает весьма высокую оценку политике царя Алексея Михайловича за стремление установить дипломатический союз с крупнейшими европейскими государствами. Именно этот московский государь первым повел решительную борьбу с пережитками азиатского варварства. Ради приближения русского народа к христианской Европе Алексей Михайлович приказал издать свод законов, а также прекратил практику превращения военнопленных в холопов, заселив «пустыни возле Волги и Камы литовскими, польскими и татарскими семьями, захваченными в войнах». Все это, наряду с развитием мануфактурного производства, созданием регуляр-

ных полков и началом судостроительства в Волжском бассейне, привело к тому, что Петру I не пришлось «много трудиться над просвещением нации». По мнению де Жокура, Россия XVIII столетия обязана своим быстрым превращением в цивилизованную державу прежде всего тем, что ростки перемен возшли на благоприятной почве: совершивший их «великий человек счастливо родился в благоприятное для этого время», сумев ввести в своих землях те науки и искусства, «которые уже были усовершенствованы его соседями».

Важной особенностью рассуждений де Жокура о специфике российской государственности является скептическое отношение автора к политическим последствиям петровских реформ. Он старательно подводит читателя к мысли о непрочности корней Просвещения в Российской империи, где любой «пережиток варварства» может в одночасье «разрушить это прекрасное здание», возведенное по стечению счастливых обстоятельств в слабо заселенной стране, где отсутствие «благоприятных щедрот» природы в сочетании с обширностью пространств способствует укреплению произвольной власти одного лица при «полном отсутствии... управляющего им закона».

Покорность русской нации деспотическому правлению де Жокур объясняет в традициях французского Просвещения «привычкой и климатом», в силу которых принятие императорского титула Петром I вряд ли могло ускорить перемену политического обычая. Анализируя этимологию слова «царь», де Жокур связывает его происхождение с влиянием восточных традиций: «...похоже, что оно произошло скорее от “шахов” Персии, чем от “цезарей” Рима, о которых, вероятно, сибирские цари на берегах Оби никогда и не слыхивали». Римский же титул «император» де Жокур считает возможным отнести к российским государям послепетровского периода, лишь учитывая «протяженность страны и мощь их власти». «Каков бы ни был титул, - заключает де Жокур, - он ничего не значит, если его носители не велики сами по себе». В его интерпретации, между цивилизованной Европой и варварской Азией сама природа проложила невидимую преграду, преодоление которой является маловероятным для России с ее срединным географическим положением и «прозрачной» границей между деспотией и просвещенной властью.

Образ Московии, занимающей срединное положение между Азией и Европой, встречается и на страницах произведений Ш.Л. де Монтескье в качестве своеобразной иллюстрации к излюбленному тезису Просвещения о «природной» склонности азиатских народов к рабству. В малоисследованных с политико-правовой точки зрения «Персидских письмах» одна из сюжетных линий посвящена описанию путешествия иранского вельможи по Западной Европе, предпринятого с целью дока-

зять преимущества «простодушия первобытных времен» для «детей Магомета». Скептическое отношение к достижениям прогресса не мешает герою Монтескье углубиться в изучение «истории происхождения республик» под влиянием поездки в Венецию, где ум любого мыслящего человека приходит в «изумление» перед мудростью государственных мужей. Иронизируя над замкнутостью азиатского государственного быта, перс Реди замечает, что значительная часть его соотечественников не имеет даже понятия о республиканской форме правления, «и у них не хватило воображения представить себе, что на земле вообще возможно какое-либо иное правление, кроме деспотического».

Размышления азиатского путешественника составляют особый смысловой фон для единственной главы «Персидских писем» о политической ситуации в Московии, написанной в форме дипломатической депеши, адресованной просвещенному хану Узбеку. Персидский посланник при петербургском дворе оценивает Россию как единственное христианское государство, способное стать союзником Персии по причине значительного сходства «в образе правления». Существенной политико-правовой деталью романа является тот факт, что персы, привыкшие к тираническому правлению, расценивают Московию как государство еще более деспотическое, чем их собственное. В их восприятии русский царь представляется «полным властелином над жизнью и имуществом своих подданных, которые все рабы...» Вельможа Наргум, хорошо знакомый с нравами и обычаями императорского двора, подобострастно пишет своему повелителю Узбеку, что сам «наместник пророков... не так страшен в проявлениях своей власти», как царь Петр. В силу религиозного закона «москвитам запрещено выезжать из своего государства», что делает их, подобно персам, приверженцами древних обычаев настолько, что большинство россиян «и не предполагает» возможность существования других нравов и законов. Политический курс московского государя на сближение с Европой изображен в донесении персидского дипломата как обратная сторона российского деспотизма. Замысел Петра I искоренить невежество «всеми забытого народа, известного только у себя на родине», осуществляется «беспокойно и стремительно», что лишь углубляет пропасть между царем и его подданными. В послании Наргума постоянно подчеркивается «суровость» царя московитов, которая носит «природный» характер, целиком находясь под влиянием географического фактора. Косвенным подтверждением такой оценки служит язвительный намек шахского посланника на необъятность московских земель, что лишь усугубляет «ужасный климат», который до того непереносим, что изгнание преступника за пределы государства следует воспринимать как величайшее благо на свете по меркам всех иностранцев, проживающих в Московии.

Исполинская мощь Петра-политика вызывает у героев романа чувство глубокого недоумения и непреодолимого страха: «Этот монарх... покидает родную страну, словно она тесна для него и отправляется в Европу искать новых областей и новых царств». Стремясь к военному триумфу, царь лишь создает видимость возвышения своего народа, который, на самом деле, все ниже сгибается под бременем деспотии. Монтескье весьма недвусмысленно дает понять читателю авторское отношение к политической ситуации в России. Он сочиняет от имени Наргума второе письмо к Узбеку, где речь идет о прославлении «славы и величия» завоеваний Чингисхана, потомки которого «властвуют над обширными пространствами Европы и Азии», занятые «только своей сегодняшней славой». Идеалы Просвещения в руках варварского народа подобны хрупкой драгоценности: тяга Петра к «процветанию искусств» вряд ли способна проявить устойчивость перед искушением царя присвоить себе репутацию «основателя и разрушителя империй» наравне с татарскими ханами.

Приведенные примеры убедительно доказывают тот факт, что французские просветители нередко воспринимали жанр Россики в качестве своеобразного интеллектуального полигона, предназначенного для испытания на прочность политико-правовой парадигмы государственного порядка универсалистского типа. Архетип «просвещенного монарха» приобретал некий абсолютный эталон Власти программного характера.

«Живописные наброски» разрозненных эпизодов российских политических нравов, которые чудесным образом постепенно приобретают цивилизованный характер под влиянием государя-демиурга, как нельзя лучше соответствовали теоретической установке Просвещения на европоцентристскую модель исторического прогресса. Отдельные достижения цивилизации доступны варварам, но даже лучшие из них не способны полностью идентифицировать себя с европейским просвещенным миром. Последовательно сформированный образ Чужого сознательно был превращен философствующей элитой Запада в ведущего персонажа просветительских текстов о России и русских.

1. См., например: Ермаков Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половины XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С.20-21.

2. Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII в. // Вопросы истории. 2002. №10. С.148-157; Его же. Петр I как цивилизатор России: два взгляда // Европейское Просвещение и цивилизация России. С.5-15.